

ДОКТРИНА СУВЕРЕННОГО ИММУНИТЕТА И СУВЕРЕННЫЕ ФОНДЫ: ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ

Евгений Васильевич Попов

*Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 2 апреля 2019</p> <p><i>Принята к печати:</i> 23 мая 2019</p>	<p>Аннотация: Статья посвящена анализу сложностей применения доктрины суверенного иммунитета к суверенным фондам в условиях современной международной практики. На основе анализа деятельности суверенных фондов таких крупных стран, как, например, Китайская Народная Республика, доступных для анализа решений по инвестиционным спорам в статье изучена проблематика трудностей применения концепции суверенного иммунитета к суверенным фондам – как с точки зрения многомерного статуса такого образования, как суверенный фонд, так и с точки зрения применения концепций абсолютного и функционального иммунитета в процессе исполнения судебных и арбитражных решений против суверенных фондов. На основе изучения практики применения доктрины суверенитета в рамках деятельности суверенных фондов в статье делается вывод о наличии серьезного пробела в толковании и применении данного понятия в международном праве в отношении суверенных фондов и даются рекомендации о том, какие направления регулирования могут помочь в его преодолении.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>к.ю.н., магистр права (LL.M.), доцент, кафедра правовых основ управления</p> <p>e-mail: evgueny.popov@gmail.com</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>доктрина суверенитета; абсолютный и функциональный иммунитет; международные инвестиционные споры; пробел в международном праве</p>	

Введение

В статье рассмотрены основания, пределы и особенности применения доктрины суверенного иммунитета к суверенным фондам в свете увеличения их числа и роста их влияния на мировую политику, трансграничную и глобальную торговлю. Традиционная доктрина суверенитета, основанная на понимании суверенности как конституционного свойства независимых государств – равноправных участников международного общения – во внутреннем (законодательном, судебном и исполнительном аспектах в пределах конкретной территории и в отношении определенного круга людей) и внешнем проявлении (представление интересов людей территории во внешних сношениях) – продолжает размываться на фоне усиления тенденций отказа от нормативного регулирования в международных отношениях,

усилении национализма, протекционизма, роста информации, увеличения взаимодействия людей посредством социальных сетей. На фоне указанных тенденций нельзя не отметить взрывной рост экономической и политической мощи новых участников международного общения – суверенных фондов, или фондов национального благосостояния (ФНБ), как они будут далее называться ниже в предлагаемой статье, которые играют все более активную роль в международной коммерческой и политической деятельности.

С учетом того, что рост мощи ФНБ во многом является следствием грамотной и взвешенной экономической политики конкретного государства, нельзя не отметить, что ФНБ зачастую вовлечены не только в реализацию целей и задач экономической политики своего государства, но и могут

являться своего рода инструментами политически непрозрачных или противоречивых внутригосударственных процессов в конкретном государстве, стремлением целого ряда государств решить свои стратегические внешнеполитические задачи путем привлечения ФНБ в качестве новых инвестиционных инструментов.

С учетом таких обстоятельств представляется, что традиционная доктрина суверенитета государств, ключевые внешние и внутренние контуры которой изложены выше в статье, применительно к деятельности ФНБ не может дать вразумительные ответы на вопрос о пределах и допустимости ее полного или даже частичного применения к ФНБ, что, в конечном счете, ведет к необходимости пересмотра и изменения концепции иммунитета государства, так как искажение существующих норм и принципов международного права в виде размывания правосубъектности государства как основного участника международных отношений, отхода от принципа международно-правовой ответственности государства за международное противоправное деяние в случаях, когда инструментом ведения международной деятельности государства выступает не само государство, а ФНБ, является ярким примером того, как казавшиеся еще недавно незыблемыми доктрины (в том числе – доктрина суверенитета) не выдерживают проверку временем.

Участие ФНБ в коммерческой деятельности и выполнение несвойственных им государственных функций (*acta de jure imperii*) указывают на существенный пробел в системе международного права. Возникают вопросы и в отношении пределов допустимости применения концепции как абсолютного, так и ограниченного иммунитета к деятельности ФНБ.

На примере экономик крупных развивающихся государств следует обратиться к проблематике решения вопроса о возможном нарушении баланса в международном праве в отношении нетрадиционных функций ФНБ – как в разрезе обсуждения и критики концепции иммунитета и доктрины суверенитета, так и под углом анализа баланса

сил в условиях параллельно протекающих процессах глобализации и деглобализации.

Классическое понимание суверенитета и вызовы нового времени

Доктрина суверенитета – один из краеугольных камней теории международного права, а принципы ее действия постоянно изучаются по мере изменения основ и природы суверенитета.

Справедливо отмечается, что появление нового измерения в международном праве – международного права прав человека – стало своего рода вызовом классической природе суверенитета, в рамках которой государство обладает абсолютной юридической властью над гражданами своей страны¹. Ускорение процессов глобализации также бросает вызов системе международного права, которое регулирует отношения между суверенными государствами и частными корпорациями. Рост популярности международных арбитражных разбирательств между государствами, принимающими инвестиции, и инвесторами, в рамках которых создаются частные трибуналы, выносящие решения по коммерческим спорам, также разрушает сложившуюся динамику отношений между суверенными государствами и частными корпорациями и лицами.

По окончании недавнего глобального финансового кризиса, начавшегося в 2008 г., возобновились бурные дискуссии в отношении природы суверенитета, так как государства как с развитыми, так и развивающимися экономиками стали активно вмешиваться в регулирование торгово-экономических процессов. Возврат к государственному капитализму привел к доминированию государственных предприятий (ГП) и росту государственных капиталовложений. Вмешательство государств в частные экономические отношения происходило также путем национализации частных предприятий и даже отраслей, что привело к созданию государственных инвестиционных и торговых компаний. В 2010 году Великобритания,

¹ Posner, E.A. The Perils of Global Legalism, 2009. Chapter 8.

которая издавна считалась страной с либеральными экономическими принципами, во избежание банкротства двух крупнейших финансовых компаний – *Lloyds Banking Group* и *Royal Bank of Scotland*, фактически национализировала их, выкупив большую часть их акций.

В связи с вышесказанным, появление и рост числа ФНБ – новых уникальных инструментов транснационального инвестирования, отличных от всех иных методов государственного инвестирования – заслуживают особого внимания и анализа именно с точки зрения международного права.

В отечественной правовой мысли пока не так много предметных исследований по данному вопросу, в то время как в зарубежной литературе указанная проблематика представлена достаточно широко – соответствующие исследования велись в Китае, США, ЕС и Великобритании².

Международный валютный фонд (МВФ) разделяет ФНБ по принципу поставленных перед ними задач и типу деятельности и дает им определение «особых инвестиционных фондов или государственных структур»³. Всемирный банк предлагает иное определение ФНБ как «долгосрочных инвестиционных фондов, созданных для получения прибыли и перераспределения доходов между разными поколениями»⁴.

И хотя ГП, как и ФНБ, также занимаются международными инвестициями, цель государственных предприятий заключается в получении контрольного пакета акций в объектах инвестиций, а цели ФНБ более разнообразны. Некоторые эксперты считают, что денежные средства ФНБ должны находиться в управлении государственным суверенным органом с тем, чтобы у фонда была возможность реагировать на изменение валютных курсов, отсутствовали непогашенные обязательства, имелась высокая устойчивость к различным рискам и ориентированность на долгосрочные инвестиции⁵.

В результате экономической глобализации в государства, недавно вставшие на путь индустриального развития, устремились иностранные инвесторы, а сами государства получили дополнительные средства для создания инвестиционных фондов для размещения собственных инвестиций в развитые и развивающиеся страны. Например, ФНБ Сингапура создавался на основе иностранных капиталовложений, а ФНБ России, ОАЭ, Кувейта, Катар – на основе собственных нефтяных/газовых доходов. Наиболее же крупные инвестиционные резервы были созданы в КНР.

В настоящее время роль ФНБ и масштаб вовлеченности в трансграничную инвестиционную деятельность приобретают все большую значимость. Суверенные государства используют ФНБ для участия в глобальных финансовых рынках и получают все больше возможностей для мобилизации экономических ресурсов и координации различных мероприятий в целях разрешения своих экономических и суверенных задач. По оценкам МВФ, стоимость активов всех ФНБ в начале 2000-х гг. составила 0,5 млрд долл., а в настоящее время, т.е. за период 10-15+ лет их стоимость увеличилась до 7 триллионов долл.⁶

² См., Anghie, A. *Rethinking Sovereignty in International Law / 5 Annual Review of Law and Social Science*, 2009; Gaukrodger, D. *Foreign State Immunity and Foreign Government Controlled Investors / OECD Working Papers on International Investment*, 2010. Mode of access: http://www.oecd.org/corporate/mnc/WP-2010_2.pdf; Shu Shang, Wei Shen. *When the State Sovereign Immunity Rule Meets Sovereign Wealth Funds in the Post Financial Crisis Era: Is There Still a Black Hole in International Law? / Leiden Journal of International Law*, 2018, No. 31, pp. 915-938.

³ International Working Group of Sovereign Wealth Funds. *Sovereign Wealth Funds Generally Accepted Principles and Practices 'Santiago Principles'*, 2008.

⁴ Mitchell, O.S.; Piggott J.; Kumru, C. *Managing Public Investment Funds: Best Practices and New Challenges // Pension Research Council Working Paper PRC WP2008-07*, 2008. Mode of access: <http://pensionresearchcouncil>.

wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2015/09/MitchellPiggottKumru-WP-version-7.31.08.pdf

⁵ Jen, S. *Sovereign Wealth Funds: What They Are and What's Happening // World Economics*, 2007, No. 8:1, pp. 1-2.

⁶ См. ежегодные рейтинги суверенных фондов и показатели их деятельности, подготовленные Институтом суверенных фондов; материал доступен в сети Интернет по адресу: [<http://>

Рост геополитического значения ФНБ и значительные объемы их инвестиций делают эти фонды предметом орбиты международного права и мировой политики, что, в свою очередь, усложняет нормы международного права и толкование международно-правовых принципов, понятий и категорий государственными судами. Ведь если *суверенные* инвесторы считаются подконтрольными государству, вызывает озабоченность тот факт, что государства начинают применять свои полномочия на территориях других стран.

В соответствии с общепризнанными принципами международного права инвесторам, находящимся под контролем государства, намеренно отказывают в возможности использовать правовые инструменты, которые находятся в свободном распоряжении частных лиц для защиты и отстаивания своих прав. Например, в 2015 году Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) отклонил требование словенского банка о погашении задолженности, предъявленное к правительству Хорватии – при том, что словенский банк был национализирован и контролировался государственным фондом Словении. Трибунал постановил, что, в соответствии со ст. 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, сторона имеет право обращаться в суд при условии, если она является неправительственной организацией, т.е. обладающей институциональной и функциональной независимостью от государства⁷.

Следует учесть, что доктрина суверенного иммунитета была окончательно сформулирована лишь в начале XIX века и является нормой международного обычного права, которое предоставляет государству, его представителям и органам защиту от судебного преследования в судах иностранных государств. Таким образом, именно государственные суды играли ведущую роль в становлении доктрины суверенного иммунитета еще до того, как она была признана

рядом стран, включая Соединенные Штаты, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Австралию и Канаду. Следует отметить, что до 1950-х годов государства с развитыми экономиками придерживались принципа абсолютного иммунитета, однако отток американского капитала в развивающиеся государства после окончания Второй мировой войны вскоре заставил обратиться к теории ограниченного иммунитета, которая существует и применяется по сей день.

Поскольку ФНБ полностью подконтрольны государству, они с большей долей вероятности будут заниматься стратегическими инвестициями скорее политического (суверенного), нежели экономического (коммерческого) характера. Таким образом, двойная роль государства как суверена, так и корпорации подразумевает неоднозначность правового статуса ФНБ. Например, благодаря промышленной экономике, контролируемой государством и ориентированной на экспорт, китайские ФНБ успешно разрешают проблемы торгового дефицита путем прямого участия в иностранных предприятиях и крупных глобальных инвестиционных проектах в рамках принятых КНР стратегий (в 2000-х гг. – «Идти в мир» (走向全球) и в 2010-х г. «Один пояс – один путь» (一带一路)) объединённых проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века».

Примечательно, что долгое время КНР настроенно относилась к международным инвестиционным нормам и правилам, которые изначально были разработаны развитыми странами для защиты прав своих инвесторов, работающих за рубежом. В настоящее время, напротив, на фоне деглобализации, роста протекционизма и экономического национализма, Китай фактически оказался флагманом заинтересованности в совершенствовании механизмов защиты, основанных на доктрине суверенитета.

Поскольку толкование и применение правил суверенного иммунитета государства к ФНБ – не до конца изученный вопрос в области международного права, целесообразно более подробно остановиться

www.swfinstitute.org/fund-rankings] [Дата обращения: 14.03.2019]

⁷ Ljubljanska Banka D.D. V. Croatia, Application no. 29003/07, Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-154983>

на анализе отдельных аспектов данной проблематики.

Суверенные фонды Китая: масштабы дракона

В рамках проекта «Идти в мир» (走向全球) правительство КНР использует различные механизмы инвестирования для приумножения собственных доходов, поддержания высокого уровня деловой репутации и обеспечения доступа к природным ресурсам за рубежом. 70% всех иностранных инвестиций Китая относятся к проектам в сфере энергетики и металлургии. В 2007 году КНР создала первый официальный ФНБ – китайскую инвестиционную корпорацию (*China Investment Corporation (CIC)*), целью которого стало управление крупными валютными резервами страны.

Вместе с Национальным фондом социального страхования, инвестиционной компанией SAFE (SIC) и Китайско-африканским инвестиционным фондом, эти четыре государственные организации КНР представляют собой важнейшие ФНБ КНР, играющие ключевую роль в координации имеющихся ресурсов и конкурирующие на рынках глобальных инвестиций.

В 2014 году в Китае был создан *Silk Road Fund Co. Ltd.*, т.н. Фонд Шелкового пути (ФШП); общий объем средств фонда составил 40 миллиардов долларов США. Впервые о намерении создать Фонд Шелкового пути председатель КНР Си Цзиньпин объявил 8 ноября 2014 года, выступая в Пекине на диалоге партнерства по повышению инфраструктурной связанности в рамках саммита АТЭС. Уже 29 декабря 2014 г. фонд был зарегистрирован как юридическое лицо *Silk Road Fund Co., Ltd.*

Создание ФШП стало частью масштабной программы «Один пояс – один путь» (一帶一路), о запуске которой Си Цзиньпин объявил в сентябре 2013 года во время визита в Казахстан, а основным направлением деятельности стали инфраструктурные инвестиции в Евразии. И все-таки основным инвестиционным инструментом КНР остаются государственные предприятия, хотя разница между ними и

ФНБ невелика. Китайские государственные предприятия являются суверенными в том смысле, что их собственность, прямо или косвенно, принадлежит государству. Они не пользуются оговорками о суверенном иммунитете и в случае судебного разбирательства не будут считаться *государственными*, если занимаются негосударственной деятельностью.

Международные инвестиции ФНБ КНР в период с 2007 по 2009 гг. размещались, в основном, в резервные банки и другие неизвестные финансовые учреждения Европы и США, как, например, *Morgan Stanley, Fannie Mae u Freddie Mac*. Для возмещения ущерба, связанного с последствиями финансового кризиса 2008 г. и крахом финансового сектора Европы и США, ФНБ КНР пересмотрели свою инвестиционную стратегию с целью улучшения корпоративного имиджа и повышения уровня прозрачности. В последующие годы ФНБ КНР начали активно вкладываться в различные сектора экономики развитых стран путем приобретения акций предприятий в сфере образования, медицины, добывающей промышленности, сельского хозяйства, недвижимости. Такая бурная инвестиционная деятельность вызвала подозрения и опасения со стороны принимающих инвестиции государств в том, что активность ФНБ КНР преследует не только коммерческие, но, что крайне важно, протекционистские политические цели КНР.

Начиная с 2012 года китайские ФНБ выбрали диверсифицированный подход к международным инвестициям и предпочли вложения в высокотехнологичную сферу и общественный сектор. В 2014 году корпорация *China Investment Corporation* инвестировала 1,6 млрд долл. в строительство инфраструктуры аэропорта Хитроу в Лондоне, став одним из ключевых инвесторов проекта совместно с *Qatar Holdings*. В дальнейшем произошел постепенный переход к непрямому (косвенным) инвестициям – вложения инвестиционного капитала стали, в основном, осуществляться через партнерские и дочерние компании ФНБ, оказывающие финансовые услуги китайским компаниям за рубежом.

Усилия, предпринимаемые ФНБ КНР по расширению суверенных инвестиций за счет координации действий различных участников рынка своими экономическими стимулами и политическими инициативами, являются серьезным шагом на пути к интеграции инвестиций, государственной политики, частных рынков и отчасти глобально-го экономического управления.

Все вышесказанное говорит о том, что у государства имеется возможность проводить политически мотивированные интервенции на внешних рынках, которые одновременно являются и финансово мотивированными.

Разбирательство Democratic Republic of the Congo v. FG Hemisphere Associates LLC (дело Конго)

Формальное принятие закона о государственном иммунитете КНР только в 2005 г. – крайне любопытный факт. Принятие такого закона, состоящего из четырех положений и относящегося к деятельности иностранных центральных банков, было вызвано требованием Гонконга сохранить абсолютный иммунитет для активов иностранных центральных банков, что, в свою очередь, объяснялось стремлением Гонконга получить статус международного финансового центра. Принятый закон, однако, не разъяснял, как принцип иммунитета применяется к другим формам государственных инвестиционных инструментов, и не был нормативно истолкован судебной властью КНР.

Для того, чтобы иметь более полное представление об отношении правительства Китая к правовому статусу ГП и других государственных инвестиционных компаний, находящихся в процессе судебных разбирательств в китайских государственных судах, рассмотрим разбирательство, связанное с прецедентным правом Гонконга. В июне 2011 года Высший апелляционный суд Гонконга (*de facto* – Верховный суд Гонконга) вынес окончательное решение по делу Конго⁸.

В соответствии с принципом абсо-

⁸ Democratic Republic of the Congo et al. v. FG Hemisphere Associates LLC, FAVC 5, 6 & 7 (2010), 8 June 2011.

лютного иммунитета Гонконга, который может запретить исполнение арбитражного решения, в деле *Democratic Republic of the Congo v. FG Hemisphere Associates LLC* Высший апелляционный суд Гонконга отказал в признании арбитражного решения, вынесенного против Демократической Республики Конго (ДРК) на основании принципа абсолютного иммунитета. С одной стороны, правовая система Гонконга независима от материкового Китая. Тем не менее, ст. 19 Основного закона Гонконга устанавливает ограничение такой независимости. Решения по вопросу государственного иммунитета какого-либо государства в Гонконге считаются «международными делами», по которым у судов Гонконга отсутствует юрисдикция. Согласно разъяснениям Национального Народного Собрания КНР, выпущенным специально для этого судебного разбирательства, принцип абсолютного иммунитета защищает имущество Демократической Республики Конго от взыскания. Поскольку китайские суды редко выносят решения по вопросам, относящимся к международному публичному праву, это решение является уникальным и имеет большое значение для понимания позиции КНР в отношении применения принципа суверенного иммунитета.

Характер и сфера применения государственного иммунитета – ключевой вопрос в этом разбирательстве. Имелось ли у Конго право на абсолютный иммунитет в отношении исков в Гонконге? Учитывая, что понятие общего права об ограниченном суверенном иммунитете применимо в Гонконге, который является традиционной юрисдикцией общего права, Демократическая Республика Конго могла быть привлечена к ответственности за причиненный в рамках коммерческого контракта ущерб.

Согласно традиционной теории международного обычного права, суверенное государство не может принимать решения в отношении действий иностранного государства. Суверенное государство, таким образом, обладает правом абсолютного иммунитета и освобождено от исковых или других процессуальных действий в судах

иностранным государством при условии, что иммунитет сохранен. Несмотря на то, что в 2005 г. КНР подписала Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности⁹, она никогда не признавала оговорку о коммерческой деятельности как основания для неприменения концепции суверенного иммунитета. Как известно, Россия также подписала Конвенцию в 2006 году, но пока она так и не вступила в силу, что делает ее необязательной для исполнения. В судебных разбирательствах КНР нередко заявляет о своем абсолютном иммунитете и предоставляет то же право другим государствам.

Эта позиция серьезно отличается от правил иммунитета Великобритании, согласно которым суверенные государства пользуются только функциональным иммунитетом, который не распространяется на сделки коммерческого или частного характера.

Непризнание оговорки о коммерческой деятельности применительно к концепции абсолютного иммунитета было кодифицировано в 1978 г. в Законе о государственном иммунитете Великобритании. То же самое узаконил Гонконг Постановлением о государственном иммунитете (заморские территории) в 1979 г. Следует, однако, отметить, что после 1997 г. ситуация в Гонконге изменилась. Во-первых, Закон о государственном иммунитете Великобритании больше не распространялся на Гонконг. Во-вторых, применение Гонконгом доктрины функционального иммунитета могло привести к конфликту с доктриной КНР об абсолютном государственном иммунитете, что, в свою очередь, сказалось бы на противоречивых толкованиях понятия «иммунитет» в рамках одного и того же суверенного государства. Аргумент, выдвинутый *FG Hemisphere Associates, LLC* заключался в том, что ДПК не должна пользоваться полным суверенным иммунитетом в отношении своих коммерческих операций в Гонконге, что следует из норм общего пра-

ва, и поэтому должна применять принципы функционального суверенного иммунитета, «унаследованные» от Великобритании до 1997 года, вплоть до передачи суверенитета над Гонконгом КНР.

Сначала Апелляционный суд Гонконга большинством голосов отклонил доводы ДПК о том, что у судов Гонконга якобы нет надлежащих полномочий рассматривать международные дела. Суд подтвердил, что концепция функционального иммунитета по-прежнему применима в Гонконге. Позднее Высший апелляционный суд отменил это решение и постановил, что в Гонконге, как это было ранее, применяются принципы общего права с некоторыми исключениями, связанными со статусом Гонконга как особой административной единицей КНР, во избежание противоречий с Основным законом, то есть конституцией Гонконга.

В соответствии со статьями 13 и 19 Основного закона КНР несет ответственность за международную деятельность Гонконга, что лишает суды Гонконга полномочий рассматривать дела и выносить решения, связанные с суверенным иммунитетом. Высший апелляционный суд выразил особое мнение о том, что принцип общего права в отношении государственного иммунитета должен быть скорректирован в соответствии с требованиями Основного закона и на основании того, что Основной закон – выше законов общего права.

Высший апелляционный суд также постановил, что суды не имеют надлежащих полномочий в отношении вопросов иммунитета государства и что только суверенное государство имеет право определять принципы государственного иммунитета применительно к отношениям с другими суверенными государствами.

Позиция Китая по приверженности концепции абсолютного иммунитета нашла свое отражение в межгосударственной договорной практике. КНР подписала ряд договоров, предусматривающих отказ от иммунитета, а также вступила в международные конвенции, некоторые из которых содержат «ограничительные» элементы в отношении государственного иммунитета. Серьезная настороженность правительства

⁹ Текст Конвенции о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, принятой резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 2004 года. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml

КНР при допущении исключений к нормам и правилам абсолютного иммунитета объясняется наличием в КНР разнообразных произвольных подходов при проведении различий между суверенными и несуверенными практиками.

Достаточно долго Китай находился под давлением западных стран и, находясь в режиме экстерриториальности, был вынужден подписать ряд невыгодных для себя международных соглашений. Настороженность КНР в отношении ограничений к суверенному иммунитету объясняется также наличием огромного числа государственных компаний, некоторые из которых принадлежат к списку *Global Fortune 500* и активно размещают инвестиции за рубежом, что, естественно, предполагает заключение большого числа трансграничных коммерческих соглашений. Правительство Китая твердо подтвердило свою давнюю позицию по вопросу непризнания оговорок о коммерческой деятельности применительно к концепции абсолютного иммунитета. Правительство КНР, включая суды Гонконга, следует принципу абсолютного иммунитета при взаимодействии с другими суверенными государствами. Учитывая тот факт, что в период становления доктрины и принципов государственного иммунитета государственная практика азиатских государств, включая Китай, отсутствовала, судебное разбирательство *Democratic Republic of the Congo v. FG Hemisphere Associates LLC* имеет особое значение для понимания принципа государственного иммунитета КНР и практики его применения.

Во-первых, действие арбитражной оговорки или соглашения являются обязательными для выполнения иностранными государствами. В то же время при обращении в китайский суд (равно как и в суд Гонконга) с целью предоставления временной судебной помощи или в поддержку арбитража на стадии исполнения судебного решения, следует учесть, что иностранное государство может обладать иммунитетом (от принудительных мер). Если активы иностранного государства находятся в Гонконге или Китае, либо если вне зависимости от причины исполнительное производство возбуждено в Гонконге

или Китае, в отсутствие прямого отказа от иммунитета проблема Конго неразрешима. Во-вторых, в отсутствие прямого отказа концепция абсолютного государственного иммунитета в случае Китая (включая Гонконг и Макао) применяется беспрекословно.

Последствия исполнения судебного решения

Проиграв дело против Конго в Высшем апелляционном суде, компания FG предприняла попытки привести в исполнение два других арбитражных решения против компании *Gécamines* (зависимая территория Британской Короны) по делу *La Generale (Jersey)*¹⁰ в 2012 году. Окончательное решение по этому делу было принято Тайным советом после двух апелляций.

FG Hemisphere Associates, LLC апеллировала к тому, что, являясь по сути принадлежащей ДРК компанией, *Gécamines* считается государственным органом в целях приведения в исполнение арбитражного решения. И хотя вопрос суверенного иммунитета является нерешенным, основной темой разбирательства стал вопрос о том, при каких обстоятельствах компания может считаться государственной, а при каких – нет. По международным нормам деятельность компании, ассоциированной с государством (государственного органа), может считаться как деяние государства вне зависимости от того, осуществляет такой орган законодательные, исполнительные или иные функции. *Gécamines* была создана как государственная компания, полностью принадлежащая ДРК (активы компании были переданы в форме горнодобывающих концессий), а все ключевые руководящие должности *Gécamines* были подконтрольны Президенту ДРК. Кроме этого, у правительства Конго имелось право вето по всем решениям относительно распоряжения имуществом и активами, а также заключения договоров займа и других ключевых соглашений в сфере закупок товаров и услуг.

По Закону Великобритании о госу-

¹⁰ *La Generale des Carrieres et des Mines v. F.G. Hemisphere Associates LLC (Jersey)* [2012] UKPC 27, 16.

дарственном иммунитете 1978 г. компания считается независимой (самостоятельной), если она не является исполнительным государственным органом и имеет возможность подавать судебные иски и, соответственно, быть привлеченной к судебной ответственности. Однако наличие у компании независимого правового статуса не всегда делает ее независимой от государства, и она по-прежнему может нести ответственность за международные займы этого государства в случае, если такая компания осуществляет традиционную функцию суверена в сфере поддержания закона и порядка, международной или оборонной деятельности. В период окончания мирового финансового кризиса государства, которые занимаются крупномасштабными международными инвестициями через свои ФНБ, должны внимательно просчитывать риски, потому что государство в результате их деятельности может быть привлечено к ответственности.

Королевский суд, так же, как и Апелляционный суд Великобритании, постановил, что компания *Gécamines* считается ГП в целях приведения в исполнение арбитражного решения, однако Тайный совет вынес противоположное решение. В свое обоснование Тайный совет привел серьезные аргументы. Во-первых, изучив устав *Gécamines*, Тайный совет обратил внимание на то, что иностранные граждане были включены в группу управления, а в устав добавлены статьи, предусматривающие возможность передачи компании частным собственникам. Государственное участие предполагалось для принятия определенных решений, однако для ряда коммерческих решений требовалось получение только формального согласия с его стороны. По мнению Тайного совета, проанализировавшего коммерческую деятельность компании, *Gécamines* продемонстрировала возможность действовать самостоятельно, сохранив свои собственные права. Тайный совет постановил, что если современное демократическое государство предоставляет возможность компании заниматься проектами, связанными с добычей угля, нефти и другого сырья, т.е. важнейшими отраслями промышленности, то это не делает такую компанию государственной.

В определенный момент отток прямых иностранных инвестиций из Китая как одной из крупнейших развивающихся мировых экономик сравнялся с их притоком. Отток ПИИ напрямую связан с ростом государственных инвестиций, что не вызывает уверенности, а лишь сеет сомнения и опасения среди принимающих китайские инвестиции зарубежных стран. С одной стороны, КНР (особенно после «дела Конго») подтвердила свою приверженность принципу абсолютного суверенного иммунитета при определении правового статуса иностранной государственной инвестиционной организации, которая является стороной судебного разбирательства в Китае. Если Китай выступает в качестве ответчика в международном коммерческом споре в иностранном суде, то китайские государственные предприятия настаивают на применении доктрины абсолютного суверенного иммунитета на том основании, что Китай должен обладать иммунитетом от привлечения к судебной ответственности, даже если иск относится к коммерческой деятельности. Таким образом, обращение в арбитражный суд с исками к Китаю и его ГП крайне неэффективно, а тактика КНР соответствует практике заключения им межгосударственных инвестиционных договоров.

Правительство КНР настаивает на том, что инвестиционная программа его ГП находится под надлежащей защитой более приемлемых механизмов разрешения инвестиционных споров, обозначенных в инвестиционных соглашениях. Недавно заключенные ДИС и соглашения о свободной торговле, например, относят ГП к категориям «общественная организация» или «государственный инвестор», что предлагает им большую защиту от возможных судебных разбирательств. Заметим, что схожие положения прописаны в типовом двустороннем соглашении об инвестициях США 2012 г.¹¹ Однако вышесказанное противоречит международным тенденциям и вызывает критику со стороны частных инвесторов, которым

¹¹ *Jackson v. People's Republic of China*, 794 F. 2nd 1490 (1986), p. 916.

не предоставлена такая же защита¹². Более того, это не соответствует целям Конвенции МЦУИС и, соответственно, не способствует увеличению притока частных инвестиций.

Структура собственности ГП является основным показателем, влияющим на возможность применения государственного иммунитета, о чем свидетельствует пример разбирательства по делу *La Generale*. Однако, по мере реструктуризации и реорганизации ГП и ФНБ Китая, большинство из них лишаются прямого контроля со стороны государства.

Динамика развития ФНБ

Резкое увеличение количества ФНБ и рост их активов, равно как и других инвестиционных инструментов КНР, как, например, ГП, имеют важное политическое и экономическое значение. ФНБ уходят от консервативной инвестиционной стратегии, ориентированной на государственные облигации и казначейские ценные бумаги США, и обращаются к более рискованным и высокодоходным методам инвестирования (акции, крупные финансовые сделки).

ФНБ и другие суверенные инвестиционные структуры оказывают влияние на международное экономическое право и регулирование, так как правительства выступают не только как регуляторные органы, но и как непосредственные участники рынка, что, в свою очередь, искажает систему международного инвестирования и торговли.

Глобальное присутствие ФНБ из КНР дает возможность развивающимся государствам принять участие в реформе мировой финансовой системы и международного экономического порядка, в котором по-прежнему доминирует Бреттон-Вудская система организации денежно-финансовых отношений, подконтрольная США. Что касается КНР, то, наряду с ростом значения юаня

как валюты для международных расчетов и созданием новых финансовых учреждений, таких, как Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС, одной из основных валют которых является китайский юань, возникают предпосылки формирования многополярной системы глобального финансового управления с участием развивающихся государств в управлении международными финансовыми организациями. Указанная возможность является крайней важной для Российской Федерации, многие секторы национальной экономики которой с 2014 г. находятся под санкционными ограничениями, утвержденными рядом государств (США, ЕС, Австралия и т.д.).

Инвестиционная деятельность ФНБ на внутренних рынках капитала негативно сказывается на принципах добросовестной конкуренции в рыночной экономике из-за конкурентных преимуществ ФНБ в отношении упрощенного доступа к различным ресурсам и наличия необходимых политических связей. Что касается глобальных рынков, то деятельность ФНБ также представляет опасность суверенитету принимающих инвестиции государств, потому что ФНБ принимают политически мотивированные, а не экономически обоснованные решения, следуя «государственным стратегическим и геополитическим интересам». Важно отметить, что, используя благоприятные условия для размещения инвестиций, целью ФНБ является осуществление «суверенной власти» государства, в то время как целью ГП является получение коммерческой прибыли, что подразумевает применение правил ограничительного иммунитета. Прочные связи между государством и его ФНБ позволяют размещающему инвестиции государству оказывать влияние на деятельность ФСБ и, тем самым, представляют угрозу для принимающего инвестиции государства.

Государственные инвестиционные стратегии размещения инвестиций в частных секторах экономики четко продуманы и достаточно агрессивны, а участие ФНБ в трансграничных сделках размывает границы между рынками и регулятивными системами. Существует естественная напряженность между интересами государств,

¹² См.: I. Willemys, I. Disciplines on State-owned Enterprises in TPP: Have Expectations Been Met? / Leuven Centre for Global Governance studies, 2016. Mode of access: www.glum.kuleuven.be/ggs/publications/working_papers/new_series/wp161-170/wp-168-willemys-website.pdf

принимающих и размещающих инвестиции, что ведет к усилению защитных регулирующих мер для предотвращения потенциальных угроз своим национальным интересам. Подобные защитные меры заключаются в повышении требований к раскрытию информации, ограничении доступа к рынкам, поднятию корпоративной вуали и пр. Например, одним из принципов Совета по обзору иностранных инвестиций Австралии применительно к инвестиционной деятельности ФНБ предполагает независимость их деятельности (на территории Австралии) от своих правительств¹³.

Иммунитет как норма международного права

В международном праве имеется серьезный пробел, связанный с применением доктрины суверенитета и концепции иммунитета. Как показало разбирательство по делу Конго, «фонды-стервятники» отказывают в суверенных правах государствам, принимающим инвестиции, при этом они стараются максимально использовать суверенные прерогативы своих государств путем экстерриториального действия законов. С целью защиты и продвижения собственных интересов развитые страны манипулируют понятием «суверенитет», а при умелом использовании принципа иммунитета суверенитет может содействовать удовлетворению инвестиционных потребностей, иногда не связанных непосредственно с интересами самого государства. При участии ФНБ из развивающихся стран в международной инвестиционной деятельности принцип суверенитета может быть скорректирован с тем, чтобы уменьшить роль и значимость суверенной природы этих ФНБ. Вместе с тем, это дает право на иммунитет таким ФНБ.

Понятия суверенитета и иммунитета тесно и неразрывно связаны друг с другом. Государства часто ссылаются на суверенитет для защиты своих интересов в международных судах и трибуналах. По принципу суверенитета государственным судам на

территории их действия предоставлены широкие полномочия, однако осуществляемая территориальная юрисдикция может быть ограничена рамками национального законодательства. Например, Аргентина, будучи участником двух инвестиционных разбирательств в МЦУИС, выдвинула ряд аргументов в обоснование суверенной прерогативы государств в чрезвычайных обстоятельствах разрабатывать основополагающие политики для преодоления таких обстоятельств. В соответствии с договорным правом аргентинские ДИС содержат ряд положений, лишающих защиты определенные действия государства в ответ на чрезвычайные обстоятельства. По нормам обычного международного права, доктрина необходимости оправдывает произвольность, а иногда и противоправность некоторых деяний государства, предпринятых в результате чрезвычайного положения. Оба аргумента затрагивают особую часть суверенитета, а именно – публичный или коммерческий характер деятельности, осуществляемой частной компанией или лицом, с последующим наделением иммунитетом такой деятельности. Однако в любом случае иммунитет распространяется только на суверенную, а не коммерческую деятельность.

Фонды национального благосостояния, в свою очередь, вносят свои коррективы в понятия «публично-правовые» и «частные» функции государства. Условное различие характера полномочий на частные и публично-правовые само по себе не может служить единственным формальным основанием для определения наличия или отсутствия иммунитета у ФНБ. Наличие у ФНБ правового статуса ФНБ также не может служить основанием как для отказа, так и для применения иммунитета. Если государство обращается к резервам или активам для обеспечения своей финансовой безопасности, такое деяние можно охарактеризовать как расширение государственных полномочий. А если деятельность частных компаний осуществляется в других странах, то имеет место некоторое влияние на систему государственного порядка принимающей инвестиции страны и даже угроза. Как следствие, ФНБ могут представлять опасность жизнеспособности

¹³ См. Sender, H.; Smith, P. IMF Urges Action on Sovereign Wealth // *Financial Times*, 24 January 2008. P. 4.

государственной системы и суверенитету.

Основная проблема в применении доктрины суверенитета и концепции иммунитета к деятельности состоит в том, что она настолько разнообразна, что привести ее к общему знаменателю достаточно трудно. Среди задач ФНБ могут одновременно находиться стабилизационные мероприятия, связанные с увеличением экспортных поступлений, управление пенсионными активами, валютные трансши, участие в реструктуризации и т.д. Сопоставление деятельности ФНБ и их целями и задачами подчеркивает их суверенную природу. А тесная взаимосвязь между суверенными целями государства и его инвестиционной деятельностью ставят под сомнение традиционное понимание последствий применения суверенного иммунитета ФНБ при осуществлении инвестиционной деятельности в принимающих их инвестициях государствах.

Если предположить, что фонды национального благосостояния представляют собой производные суверенитета, то появляется возможность применить исключение к позиции непризнания оговорки о коммерческой деятельности. Такая возможность позволит обратиться к суверенному иммунитету в случае осуществления коммерческой деятельности между несколькими государствами. Иными словами, оговорка о коммерческой деятельности не применима к сделкам, инвестиционным спорам, разбирательствам и договорам международного характера. Указанная оговорка ограничивает рамки действия оговорки о коммерческой деятельности за счет расширения сферы действия международного права, что имеет смысл при участии двух государств в одной коммерческой сделке. Мотивы участия обеих сторон (государств) в совместной коммерческой деятельности, а также способы разрешения потенциальных споров отличаются от мотивов сотрудничества частных сторон (лиц). Например, причины, по которым суверенные государства предоставляют денежные займы другим государствам, отличаются от выдачи займов и кредитов коммерческими банками. В качестве других примеров сделок и договоренностей между правительствами

разных стран можно назвать программы продовольственной помощи и др. Такие договоренности представляют собой «гибридные» сделки, сочетающие элементы коммерческого характера и преследующие как внутригосударственные, так и внешнеполитические цели государства.

Процессы глобализации, затрагивающие экономические и культурные хозяйства стран мира, одновременно ведут к увеличению роли негосударственных субъектов. Государства остаются ключевыми участниками международной системы отношений, однако при этом осуществляемый ими контроль над своей территорией становится более ограниченным. Для его сохранения государства вынуждены обращаться к экстерриториальному принципу осуществления власти. Если государственные полномочия осуществляются за пределами государства, это еще больше подрывает значение и роль (юрисдикции) территориального государства.

Международное право находится в процессе преобразования в глобальное право или мировое внутреннее право, под действие которого попадают государства, неправительственные организации, частные компании и лица. Как следствие, преобразование действия принципа суверенитета влечет за собой расширение круга субъектов, осуществляющих суверенитет, и охватывает также несuverенные субъекты. Таким образом, для прояснения многогранной природы суверенитета в его обновленной концепции необходимо подчеркнуть наличие главенства суверенных полномочий не по территориальному, а по функциональному принципу. Новое толкование принципов суверенитета и иммунитета приведет к умалению суверенитета при осуществлении инвестиций суверенными фондами.

Предварительные выводы

На примере разбирательства по делу Конго в статье проанализирована взаимосвязь между ФНБ КНР и действием принципа иммунитета, когда Правительство Китая подтвердило свою позицию в отношении непризнания оговорки о коммерческой

деятельности применительно к концепции абсолютного иммунитета и позицию в отношении Гонконга при осуществлении им международной деятельности. Китай не намерен отступать от своих позиций и открыто признавать правовой статус в отношении оговорки о коммерческой деятельности в своих государственных судебных учреждениях, потому что такое признание означало бы одновременное признание концепции функционального иммунитета. КНР, традиционно придерживающаяся концепции абсолютного иммунитета, подтверждает готовность предоставлять своим суверенным партнерам абсолютный иммунитет при судебных и/или арбитражных разбирательствах на условиях взаимности.

Одновременно Китай продолжает наращивать количество фондов, сформированных за счет государственного капитала, и поощряет их инвестиционную деятельность в странах с упрощенными по сравнению с Китаем законодательными системами. С целью совершенствования своих инвестиционных механизмов правительство КНР создало более прозрачную и эффективную организационную и управленческую структуру ФНБ, наняв высококлассных специалистов из области финансов, экономики и юриспруденции. ФНБ Китая осуществляют инвестиционные проекты в строгом соответствии с общепринятыми международными принципами, при этом частично прибыль от их деятельности распределяется на программы повышения благосостояния граждан. Следует особо отметить тот факт, что правительство КНР умалчивает о том, насколько суверенны ФНБ и где проходит та самая грань между ФНБ и ГП. Как следствие, китайские ФНБ, размещающие инвестиции за рубежом, будут реже задействовать иммунитет в силу готовности признать за собой особый статус, отдельный от государственного. Можно предположить, что наиболее оптимальным вектором развития практики в будущем в отношении ФНБ должно стать правоприменение, которое аналогично тому, как оно существует в отношении традиционных частных международных инвесторов – участников глобальной

экономической деятельности, которые не нуждаются в особых преференциях. Когда будут устранены возможности применения абсолютного иммунитета к деятельности ФНБ, государственные инвестиционные механизмы будут лишены каких-либо преференций, а государства будут применять к их деятельности законы и практики, которые они применяют к обычным международным частным инвесторам.

Принципы государственного иммунитета и экстерриториальности применяются развитыми странами с целью достижения максимальной отдачи от инвестиционной деятельности, в то время как к принципу абсолютного иммунитета чаще обращаются развивающиеся страны, у которых экстерриториальное действие норм внутреннего законодательства ограничено. Государства с развивающимися экономическими системами применяют принцип абсолютного иммунитета для минимизации последствий экстерриториального действия законов, навязываемых другими странами, особенно США. Отделение «территории» от «суверенитета» тесно связано с волной глобализации, а также с масштабными преобразованиями системы политических стимулов и возможностей. Неукоснительное соблюдение принципа территориальности (принципа иммунитета) приветствуется правительствами в силу ряда сопутствующих преимуществ для государств, однако обращение к принципу относительной территориальности имеет большую значимость наряду с ростом благосостояния государства и его интересами на международных рынках.

Финансовый кризис 2008 г. привел к усилению вмешательства государства в деятельность частного бизнеса и введению более строгого государственного регулирования ГП. Популярность ФНБ возросла, что связано с резким ростом экономик ряда стран, таких, как, например, Китай. Эти события привели к возникновению проблем в международно-правовой базе, в частности, в применении принципа государственного иммунитета к ФНБ. А новые законы и нормы прецедентного права указывают на общую мировую тенденцию, которая заключается в обеспечении надлежащей защиты государ-

ственных активов и предоставлении ФНБ большей независимости от государства.

Основные параметры, используемые для определения актуальности применения принципа государственного иммунитета, включают наличие у ФНБ формальной связи с государством, принадлежность активов фонда государству, цели ФНБ, а также контроль государства за деятельностью ФНБ, особенно в случаях принятия серьезных инвестиционных решений. Фонду национального благосостояния может быть присвоен юридический статус и полномочия, необходимые для осуществления своих функций в зависимости от степени контроля со стороны государства основания фонда на руководство и деятельность такого фонда, однако основным критерием правового статуса ФНБ является статус мажоритарного акционера активов фонда. В то время как КНР стремится подтвердить свой лидерский статус в системе мирового экономического порядка, правительство КНР всячески отстраняется от своих дочерних предприятий, что ведет к ограничению защиты ФНБ в рамках предоставленного им иммунитета. Все это требует дополнительных разъяснений и толкований со стороны как государственных судебных учреждений, так и международных инвестиционных арбитражных трибуналов.

Суверенитет занимает важное место в структуре международного права, которая связана с базовой структурой глобальной правовой системы. Принцип территориальности уступил свою ранее доминирующую роль суверенитету, и именно экстерриториальность является отражением интересов и полномочий (государственной власти) в системе международных отношений.

Существует точка зрения, что суверенитет означает независимость в соответствии с конституцией и способность государства применять военную силу. В то же время наблюдается уход от суверенитета ввиду его неразрывной связи как с государством, так и с этатизмом международной системы. Некоторые государства, хотя их меньшинство, в судебной практике по-прежнему обращаются к принципу абсолютного иммунитета¹⁴.

¹⁴ Brownlie, I. *Principles of Public International Law*. Cambridge University Press, 2003. P. 241-249.

Эту тенденцию нельзя игнорировать, потому что объем крупных ФНБ в таких странах (к ним, кстати, принадлежат не только Китай, но и Россия) постоянно растет. Сложность юридических вопросов, связанных с деятельностью ФНБ, во многом зависит от протекционистских настроений в государствах, принимающих иностранные инвестиции, многие из которых настороженно относятся к агрессивным иностранным инвестиционным решениям, преследующим свои политические интересы, что, в свою очередь, влияет на стратегические вопросы национальной безопасности.

Другая точка зрения предполагает делимость суверенитета, т.е. суверенная власть в равной степени может осуществляться государством или составляющими ее субъектами (теория разделенного суверенитета). Однако такой подход противоречив, так как ограничивает действие суверенитета и не дает ответы на вопросы концептуального или практического характера. Современная тенденция подхода к данному вопросу состоит в том, чтобы придавать большую значимость деятельности ФНБ, связанной с государством, как, например, принадлежность активов фондов государству или конечные цели ФНБ.

Литература:

- Anghie, A.* Rethinking Sovereignty in International Law / 5 Annual Review of Law and Social Science, 2009.
- Brownlie, I.* Principles of Public International Law. Cambridge University Press, 2003.
- Gaukrodger, D.* Foreign State Immunity and Foreign Government Controlled Investors / OECD Working Papers on International Investment, 2010. Mode of access: http://www.oecd.org/corporate/mne/WP-2010_2.pdf
- International Working Group of Sovereign Wealth Funds. Sovereign Wealth Funds Generally Accepted Principles and Practices 'Santiago Principles', 2008.
- Jen, S.* Sovereign Wealth Funds: What They Are and What's Happening // World Economics, 2007, No. 8:1.
- Mitchell, O.S.; Piggott J.; Kumru, C.* Managing Public Investment Funds: Best Practices and New Challenges // Pension Research Council Working Paper PRC WP2008-07, 2008. Mode of access: <http://pensionresearchcouncil.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2015/09/MitchellPiggottKumru-WP-version-7.31.08.pdf>
- Posner, E.A.* The Perils of Global Legalism, 2009.
- Sender, H.; Smith, P.* IMF Urges Action on Sovereign Wealth // *Financial Times*, 24 January 2008.
- Shu Shang, Wei Shen.* When the State Sovereign Immunity Rule Meets Sovereign Wealth Funds in the Post Financial Crisis Era: Is There Still a Black Hole in

International Law? / *Leiden Journal of International Law*, 2018, No. 31, pp. 915-938.

Willemyns, I. Disciplines on State-owned Enterprises in TPP: Have Expectations Been Met? / Leuven Centre for Global Governance studies, 2016. Mode of access: www.ghum.kuleuven.be/ggs/publications/working_papers/new_series/wp161-170/wp-168-willemyns-website.pdf

References:

Anghie, A. Rethinking Sovereignty in International Law / *5 Annual Review of Law and Social Science*, 2009.

Brownlie, I. Principles of Public International Law. Cambridge University Press, 2003.

Gaukrodger, D. Foreign State Immunity and Foreign Government Controlled Investors / OECD Working Papers on International Investment, 2010. Mode of access: http://www.oecd.org/corporate/mne/WP-2010_2.pdf

International Working Group of Sovereign Wealth Funds. Sovereign Wealth Funds Generally Accepted Principles and Practices ‘Santiago Principles’, 2008.

Jen, S. Sovereign Wealth Funds: What They Are and What’s Happening // *World Economics*, 2007, No. 8:1.

Mitchell, O.S.; Piggott J.; Kumru, C. Managing Public Investment Funds: Best Practices and New Challenges // Pension Research Council Working Paper PRC WP2008-07, 2008. Mode of access: <http://pensionresearchcouncil.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2015/09/MitchellPiggottKumru-WP-version-7.31.08.pdf>

Posner, E.A. The Perils of Global Legalism, 2009.

Sender, H.; Smith, P. IMF Urges Action on Sovereign Wealth // *Financial Times*, 24 January 2008.

Shu Shang, Wei Shen. When the State Sovereign Immunity Rule Meets Sovereign Wealth Funds in the Post Financial Crisis Era: Is There Still a Black Hole in International Law? / *Leiden Journal of International Law*, 2018, No. 31, pp. 915-938.

Willemyns, I. Disciplines on State-owned Enterprises in TPP: Have Expectations Been Met? / Leuven Centre for Global Governance studies, 2016. Mode of access: www.ghum.kuleuven.be/ggs/publications/working_papers/new_series/wp161-170/wp-168-willemyns-website.pdf

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10035

SOVEREIGN IMMUNITY DOCTRINE AND SOVEREIGN FUNDS: CHALLENGES AT GLOBAL SCALE

Evgeny V. Popov

MGIMO University,
Moscow, Russia

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i> 02.04.2019</p> <p><i>Accepted:</i> 23.05.2019</p> <p>About the author: Candidate of Law, LL.M., Associate Professor, Department of Legal Foundations of Administration e-mail: evgueny.popov@gmail.com</p> <p>Key words: doctrine of sovereignty; absolute and functional immunity; international investment disputes; gap in international law</p>	<p>Abstract: The article deals with the analysis of difficulties that arise in the current international environment in the context of application of the doctrine of sovereignty to sovereign funds. Based on the review of activities of sovereign funds of such large countries as, e.g., the People’s Republic of China, available investment arbitration rulings, the article focuses on the obstacles preventing the application of traditional doctrine of sovereignty to multi-faceted legal status of sovereign funds and specific features of use of the concepts of absolute and functional immunity when enforcing the court judgments and arbitral awards against the sovereign funds. Following the analysis, the conclusion is drawn that there is currently a serious gap in international law re: sovereign funds’ treatment and there is a need to outline the key prospective directions on how this gap can be overcome.</p>
--	---

Для цитирования: Попов Е.В. Доктрина суверенного иммунитета и суверенные фонды: вызовы международной практики // *Сравнительная политика*. – 2019. – №3 – С. 133-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10035

For citation: Popov, Evgeny V. Doktrina suverenogo immuniteta i suverennyye fondy: vyzovy mezhdunarodnoy praktiki (Sovereign Immunity Doctrine and Sovereign Funds: Challenges at Global Scale) // *Comparative Politics Russia*, 2019, No. 3, pp. 133-147.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10035